

УДК 330.812(470)
ББК 65.02(2)51

Р.М. Нуреев

*доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ*

ВОСТОЧНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ТРАДИЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В «КНИГЕ О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ» ИВАНА ПОСОШКОВА

Статья посвящена анализу «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова как российского образца «государевой литературы». Исследуется исторический контекст эпохи, когда была написана книга, показывается влияние восточных и западных традиций экономической мысли. В статье анализируются плюсы и минусы предложенной Посошковым альтернативной программы петровской модернизации, раскрываются особенности меркантилистских и камералистских мотивов автора, а также исторические судьбы России в случае реализации идей «потаенной книги».

Ключевые слова: российская экономическая мысль, восточный деспотизм, меркантилизм, камерализм, модернизация.

R.M. Nureev

*D.Sc. in Economics, Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation*

EASTERN AND WESTERN TRADITIONS OF ECONOMIC THOUGHT IN THE «BOOK ON POVERTY AND WEALTH» BY IVAN POSOSHKOV

This article is intended to analyze the «Book on Poverty and Wealth» by Pososhkov as a Russian example of «sovereign literature». The historical context of the era

when the book was written is studied and the influence of Eastern and Western traditions of economic thought is shown. The article examines the pros and cons of the Peter's modernization alternative program offered by Pososhkov, reveals the features of mercantilist and cameralistic motives of the author, as well as the historical fate of Russia in the case of implementing the ideas of the «lurking book».

Keywords: Russian economic thought, Oriental despotism, mercantilism, cameralism, modernization.

В текущем году можно отмечать не только почти 300-летие (точнее, 290-летие) «Книги о скудости и богатстве», но и почти 175-летие (точнее, 172-летие) ее открытия (первой научной публикации) М.П. Погодиным. Хотя специалисты по истории экономических учений уже не одно столетие анализируют экономические взгляды Посошкова, вопросов остается, пожалуй, больше чем ответов.

Кто же он такой, Иван Тихонович Посошков? Религиозный проповедник или рациональный экономист? Неравнодушный наблюдатель или глубокий аналитик? Бытописатель нежеланной действительности или недействительной жемаемости? Неисправимый мечтатель или последовательный прагматик? Выразитель интересов крестьянства или купечества? Государства или частных лиц? Представитель западной или восточной экономической традиции? Пассивный меркантилист или активный камералист? Смелый революционер или закоренелый консерватор? И вообще, куда он зовет: вперед или назад? Россия выиграла бы или проиграла, если бы удалось реализовать все его многочисленные рекомендации? И были ли тогда условия для их практической реализации? Автор данной статьи попробует не столько ответить на все эти вопросы, сколько предложить определенный нетривиальный подход к их решению.

Россия между «восточным деспотизмом» и западноевропейским капитализмом

Специфичность «посошковизма» является во многом отражением специфичности социально-экономического развития России рубежа XVII–XVIII вв. Петровскую эпоху принято рассматривать, прежде всего, как «скачок» от феодализма к капитализму. Однако при этом часто не придают значения тому, что «российский феодализм» и даже «российский капитализм» существенно отличались от формаций Западной Европы. Речь идет о сильном влиянии институтов «восточного деспотизма» — азиатского способа производства.

Анализируя особенности российского варианта буржуазной эволюции в новое время, В.Г. Хорос еще в советскую эпоху выделил следующие его черты:

- государство как ведущий субъект социально-экономического развития;
- выборочное (не-системное) заимствование некоторых элементов (институтов) западно-европейского капитализма (прежде всего, в организации армии);
- технико-экономическая модернизация для поддержания монархии и дворянского сословия;
- тенденции социально-экономической консервации — одновременное развитие капитализма и усиление феодального крепостничества;
- слабая экономическая и политическая дееспособность национальной буржуазии;
- громадная острота социальных противоречий и контрастов¹.

Эти черты отражают специфику развития не столько конкретно российской цивилизации, сколько той группы стран догоняющего развития, к которой относилась Россия Романовых. Для понимания этой специфики сошлемся на концепцию А. Гершенкрона,

¹ Подробнее см.: [8, гл. 1].

согласно которой в развитии мирового капитализма можно выделить три эшелона (табл. 1)¹.

Таблица 1

Эшелоны развития мирового капитализма

Эшелоны	Страны	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение в мировой капиталистической системе
1-й (с XIV в.)	Западная Европа, Северная Америка	Длительное спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее
2-й (конец XVIII – середина XIX вв.)	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония	Развитие «сжато», импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное
3-й (конец XIX – конец XX вв.)	Колониальная и зависимая «периферия» Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (сырьевые придатки)

Для первого эшелона, к которому относят Западную Европу и Северную Америку, характерно длительное спонтанное развитие предпосылок капитализма. Ведущую роль в странах западноевропейской цивилизации играл частный сектор, развитие которого активно поощряло государство, не претендуя, однако, на роль главного «мотора».

Вторая волна развития капитализма начала формироваться в конце XVIII – середине XIX вв. в России, Турции и Японии. Импульс рыночной модернизации в этих странах был дан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами. Капитализм в этих странах не столько вырастал «снизу», сколько насаждался «сверху» – путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производ-

¹ Подробнее см.: [12].

ства и реализации отдельных видов продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства и т.д. Не случайно К. Маркс писал во втором наброске ответа на письмо В.И. Засулич, что в России возник «известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства...» [5, с. 415]. Объективно высокая роль государства накладывалась в этих странах на многовековые тенденции «азиатского» государственного регулирования.

Движимое главным образом военными интересами, государство в России нового времени монополизировало роль агента модернизации экономики, стремясь стать даже не главным, а *единственным* органом, отвечающим за экономический прогресс в стране. «Поскольку экономическое развитие таким образом вызывалось острой военной необходимостью, — писал А. Гершенкрон, — оно двигалось резкими толчками: убыстрялось, когда военная необходимость усиливалась, и замедлялось, когда необходимость ослабевала» [3, с. 434]. В результате государственное регулирование играло двоякую роль, одновременно и стимулируя, и тормозя развитие капитализма в России.

Когда Петр I проводил свои знаменитые реформы, то главными институтами, который надо заимствовать у Запада, он посчитал регулярную армию и регулярное бюрократическое государство. В этом государстве каждый (даже сам император) исполняет свою функцию и именно этим ценен. Иначе говоря, регулярное государство в понимании Петра Великого — это общество служивых людей, близкое к модели азиатского способа производства. Что касается социально-экономической свободы, то ее в Европе Петр Великий не заметил (а если и заметил, то не посчитал чем-то достаточно важным). В результате для российского дворянства петровские времена обернулись едва ли не второй опричниной¹.

¹ «...При первом императоре государственное закрепощение дворянства... достигло своего апогея...» [6, т. 1, с. 363].

В XVII в., при первых Романовых, условия дворянской службы начали было либерализироваться, приближаясь к западному феодализму. Однако в петровские времена «азиатский деспотизм» в отношениях между дворянами и государством возродился и даже усилился. Все дворяне стали обязаны служить с 15 лет до конца жизни, причем обязательно с низших чинов (в XVII в. помещик или вотчинник служил в армии обычно во главе отряда своих боевых холопов). Если дворянин не являлся в полк или государственное учреждение, к которому был приписан, его могли наказать кнутом (по указу 1720 г.) или «просто» лишить имения.

Оборотной стороной петровской вестернизации стало усиление крепостничества для крестьян. В XVII–XVIII вв. в Пруссии, Польше, Чехии, Венгрии и России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождалось одновременным усилением крепостничества. Этот институциональный процесс называют «вторым изданием крепостного права»; однако в «своеобразной» России, где в классическое средневековье крепостного права не было, «второе европейское издание» оказалось «российским первым». Парадокс в том, что петровские реформы (с 1690-х гг.), объективно направленные на стимулирование капиталистических институтов, начались всего лишь через полвека после окончательного закрепления феодального института крепостного права (в Соборном Уложении 1649 г.).

Использование институтов российской *полуазиатской* монархии для создания и укрепления одновременно *капиталистических* отношений и *феодального* крепостничества предопределило причудливый симбиоз прогрессивных и регрессивных черт российского социально-экономического строя XVIII в. Развитие императорской России стало ярким примером периферийного капитализма, в котором сосуществовали самые многообразные переходные формы и неотра-

диционные отношения. Некоторые институциональные изменения, типичные для западноевропейских стран, Россию вообще обошли стороной (например, Реформация, активизация внешней торговли); другие пришли в нее с существенным запозданием (банки, парламентаризм, отмена крепостного права) (табл. 2). В то же время в некоторых сферах Россия даже обогнала передовые страны Западной Европы: например, если во Франции внутренние таможенные пошлины, мешавшие формированию внутреннего рынка, отменили лишь в 1792 г., то в России – уже в 1754 г.

Таблица 2

**Асинхронность институциональных изменений
в России и в Западной Европе**

Институты, необходимые для капиталистической модернизации	Время институциональных изменений	
	в Западной Европе	в России
Ликвидация крепостного права	XIV–XV вв.	1861 г.
Реформирование церкви	XVI–XVII вв.	Вместо Реформации – Раскол XVII в.
Активизация торговли	Внешняя торговля – с XVI в., внутренняя – с XVIII в.	С XVIII в. (внешняя торговля контролируется в основном иностранцами)
Распространение векселей, бумажных денег	С XVII в.	Со второй половины XVIII в.
Банки, страховые организации	С XVII в. (Банк Англии – с 1694 г., «Ллойд» – с 1710-х гг.)	С начала XIX в. (Государственный коммерческий банк – с 1817 г., «Первое Российское от огня страховое общество» – с 1827 г.)
Парламентская власть	XVII – первая половина XIX вв.	Элементы парламентаризма – только после 1905 г.
Формирование правового государства	XVIII – начало XIX вв. (кодекс Наполеона – 1804 г.)	Фактически не завершилось и к началу XX в. (первый свод законов – 1830 г.)

Источник: [7, с. 8].

Таким образом, императорская Россия — страна, расположенная между Востоком и Западом, не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле слова. Даже ее герб — двуглавый орел — постоянно смотрит и на Запад, и на Восток. Следовало бы ожидать, что и экономическая мысль России тоже будет находиться «между» западными и восточными традициями.

В обширной литературе, посвященной «Книге о скудости и богатстве», доминирует мнение о ее меркантилистском характере. Для этого есть существенные основания, поскольку книга Посошкова современна и во многом созвучна западноевропейским трактатам меркантилистского толка на тему, «как государство богатеет».

«И такое мнение мое о помянутых делах, — писал И.Т. Посошков в доношении Петру I, — что если Бог милостиво презрит на них и Ваше Императорское Величество по настоящему своему желанию благоволит последовать им, то я, без всякого сомнения, могу сказать, что каждый год при нынешних сборах самое малое собрание казны в царские сокровища миллиона по 3 приходить будет. А если твердо устоят те новые положения, то легко будет собираться и по шести миллионам в год. А если все изъявленные дела прямо установятся и твердо укоренятся... то будет собираться миллионов и по десяти или и больше каждый год» [10, с. 22]. Как видим, у Ивана Посошкова был широкий размах — он в самом начале своей книги обещал государственную казну (бюджет) по меньшей мере удвоить (с 3 до 6 миллионов рублей в год) и даже утроить-четверть (до 10 и более миллионов).

Такая самореклама типична в меркантилистской литературе XVII–XVIII вв. Достаточно вспомнить, например, сочинение Иоганна Иоахима Бехера (1635–1682) «Политическое рассуждение о том, как сделать страну богатой и густонаселенной» (1668) или Пьера Лепезана де Буагильбера (1646–1714) «Подробное опи-

сание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или Как за месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население» (1695–1696).

Но можно ли любые трактаты о преумножении государственного бюджета, где существенное внимание уделяется торговле, считать прямым аналогом западноевропейского меркантилизма?

Существенным недостатком посощкововедения является, на наш взгляд, недооценка восточных традиций в творчестве И.Т. Посощкова. Попытаемся кратко восполнить этот пробел и указать на многие черты сходства «Книги о скудости и богатстве» с экономической литературой Востока.

Книга Посощкова как российский образец «государевой литературы»

В качестве общих черт экономической литературы древнего и средневекового Востока можно выделить следующие:

1. *Соединение экономического подхода с морально-этическим.* Проблема экономической эффективности во многом поглощается проблемой моральности.

2. *Объектом анализа является деятельность государства,* то есть рассматривается не существование отдельных хозяйств, не микроэкономический, а макроэкономический уровень. Государственные интересы были превыше всего, целью экономического анализа является обеспечение процветания государства.

3. *Анализ не реального, а должного.* Рассматривалась проблема оптимизации существующего строя – приведения его к идеальному образцу.

Из этих трех признаков второй специфичен именно для Востока, другие во многом отражают общие черты экономической мысли добуржуазных обществ (хотя в восточных обществах эти черты были выражены сильнее, чем в западных).

К числу высших достижений восточной экономической мысли следует отнести появление специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством («Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», «Артхашастра», «Гуань-цзы», «Сиасет-намэ» и др.). Жанр такого рода произведений можно назвать *«государевой литературой»*, поскольку они предназначались специально для правителей. Рассмотрим, как признаки «государевой литературы» проявились в «Книге о скудости и богатстве».

Посошков как религиозный проповедник: поиск богатства в правде

При чтении «Книги о скудости и богатстве» невольно возникает вопрос о том, кто же такой И.Т. Посошков — рациональный экономист или религиозный моралист?

Главной причиной «напрасной скудости» в России, по Посошкову, является ставшая нормой жизни неправда. «Российская земля во многих местах запустела и все от неправды, и от нездорового и неправого рассуждения» [10, с. 37]. «...Для нас важны, — отмечает в этой связи Л.И. Зайцева, — не столько конкретные советы по различным вопросам, сколько сам подход к их разрешению, заключающийся не в следовании “голой экономической рациональности”, а в том, чтобы развивая хозяйство, не забывать об истинном для русского человека: “богатстве-правде”» [4, с. 7].

«Бог — правда, правду Он и любит, — пишет И.Т. Посошков, — и если кто восхочет Богу угодить, то надобно ему во всяком деле правду творить» [10, с. 93]. Поэтому в центре его внимания оказывается не материальное («вещественное») богатство, но богатство духовное («невещественное»). Будучи глубоко религиозным человеком, Посошков очень далек от экономического детерминизма. Наоборот, он считает, что люди «не ведающие и воли Божией не разумеющие» не способны

создать духовно-нравственные основы для развития Отечества. Без укрепления православия никакие реформы не будут иметь успеха в России, которую автор рассматривает как единое целое – «хозяйствующий Дом».

Как же восстановить попираемую всеми правду? Понятие «правды» раскрывается И.Т. Посошковым через три взаимосвязанные категории – порядка, гармонии и согласия¹. *Порядок* означает строгое исполнение своих обязанностей перед Богом, Царем и другими сословиями того большого хозяйствующего Дома, который называется Россией. *Гармония* заключается в том, что все сословия (и высшие, и низшие) в равной степени участвуют в этом домостроительстве. *Согласие* заключается в том, что все отношения между людьми строятся на христианской любви. Именно любовь должна помогать людям гармонично жить в этом большом хозяйствующем Доме.

Не случайно книга Посошкова начинается с первого «трекратия», в котором говорится о трех сословиях российского общества, от которых в значительной степени зависит согласие и гармония, – о духовенстве, воинстве и судебном сословии. Он считает духовенство высшим сословием и именно с его духовным возрождением связывает будущее развитие России. Моцъ государства зависит от воинства. А его сила заметно возрастет, если будет искоренена всякая неправда и многочисленные злоупотребления, так типичные для воинской службы. Третья глава посвящена анализу правосудия. Неправда в России, по мысли автора, проистекает от неправого суда, который защищает сильных и обижает слабых. А в условиях сохраняющегося и усиливающегося бесправия русскому человеку никогда не удастся разбогатеть. Поэтому Посошков ратует за «прямое правосудие», поскольку от него зависит общее состояние правды на Руси.

¹ Подробнее см.: [4, с. 18-20].

Следующее «трекратие» посвящено тем сословиям, которые создают вещественное богатство. Посошков начинает с купечества, которое, по мысли автора, защищает экономические интересы государства. И хотя «торг — дело великое», в нем много обмана и злоупотреблений, которые следует устранить благодаря регламентации внутренней и внешней торговли. Две последующие главы посвящены анализу ремесленного производства и необходимости борьбы с ворами и разбойниками.

Последнее «трекратие» посвящено вопросам накопления вещественного богатства. Посошков трактует богатство как способность и умение работать с «прибытком». Он начинает с анализа крестьянского хозяйства, в котором прибыль связан с земледельческим трудом. Именно от него зависят «царское» и «всенародное» богатство.

Следует обратить внимание, что Посошков считает необходимым рост «домового богатства» («богатства-довольства», «богатства-достатка»), но ограничивает его сословными рамками, решительно выступая против «лишних украшений». Посошков — в отличие от Петра и «птенцов гнезда Петрова» — никогда не был за границей, и отношение к ней у него a priori отрицательное. Он бесконечно далек от теории естественного права, рационализма и классического либерализма в духе Дж. Локка или Д. Юма. Достаточно сказать, что Посошков считал возможными и необходимыми насильственные методы установления православных порядков.

Посошков как государственный: наивная «вера в полицейское государство и регламентации»

Перед читателями «Книги о скудости и богатстве» постоянно вставал вопрос: кем является И.Т. Посошков — равнодушным наблюдателем, не умеющим выделить главное, отделив его от второстепенного, или

глубоким аналитиком, сформулировавшим широкую альтернативную программу петровским реформам? Попытаемся ответить на этот непростой вопрос.

Книга И.Т. Посошкова определенно носит комплексный характер и затрагивает многие вопросы аграрной, промышленной и торговой политики. По поводу каждой из этих сфер содержатся обширные рассуждения и многочисленные рекомендации автора.

В центре его внимания, безусловно, находится *аграрная политика*. И в этом пункте очень важно понять, куда зовет автор: вперед, к капитализму, или назад, к азиатскому способу производства?

Посошков — решительный сторонник петровских реформ. Он ратует за их углубление и изменение социальной базы реформ путем укрепления крестьянского хозяйства и увеличения «царского сбора» (за счет перераспределения феодальной ренты в пользу царя). Посошков считает, как и древневосточные авторы, что Царь — верховный собственник всей земли («земля — Божья, а Царь — наместник Бога»). Отсюда — идея введения всеобщего поземельного налога не только с крестьян, но и со всех других сословий и всеобъемлющего вмешательства государства в жизнь и жизнедеятельность подданных. «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, — пишет И. Т. Посошков, — а прямой им владелец — всероссийский самодержиц, они владеют временно» [10, с. 291].

Фактически Посошков выступает проводником идеи власти-собственности, которая глубоко отличается от института частной собственности. *Власть-собственность* возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже [2; 11; 13].

Посошков требует навести порядок с помощью сильной государственной власти во всем — в том числе и в сфере *промышленной политики*. Перестройка промышленности мыслится им как развитие обрабатывающей промышленности, ориентированной вовне (на экспорт). Однако при этом он отнюдь не выступает против ее крепостнической природы. Наоборот, он предлагает царю организовать поимку «гулящих ребят» — беглых крепостных крестьян.

Посошков выступает за активное субсидирование низших форм производства. Однако при этом он обосновывает борьбу с «неуказным производством», то есть фактически защищает монопольное право на производство того или иного товара «указными фабрикантами».

В сфере *торговой политики* Посошков выступает за ограничение экспорта сырья и увеличение экспорта готовой продукции. Однако он сторонник строгого соблюдения сословного принципа торговли и просит царя защитить интересы купцов от конкурентов — «обидчиков». Такими «обидчиками» являются крестьяне и дворяне. Он считает, что зажиточному крестьянину с «пожитком» в 100–200 рублей необходимо записаться в купечество. Но он решительно выступает против дворянской торговли, которой способствовал петровский Указ о единонаследии (1714).

Иван Посошков выступает за единый общероссийский рынок, критикуя процедуру многократного сбора пошлин на внутренних таможах. Он — решительный сторонник пересмотра структуры импорта (против ввоза украшений, дорогой одежды, предметов роскоши, особенно тех, которые могли бы производиться внутри страны).

В этой связи естественно возникает вопрос, кем объективно являлся Посошков — меркантилистом или камералистом?

Не следует забывать, что меркантилизм выступает как ранняя форма экономического национализма, ког-

да интересы своей нации должны быть удовлетворены за счет интересов более слабых наций прежде всего посредством внешней торговли. Россия, оказавшись во втором эшелоне развития капитализма, должна была защищать свои интересы в борьбе с ушедшими вперед западноевропейскими нациями. Поэтому не удивительно, что национализм Посошкова ближе к средне-европейскому национализму, чем к английскому.

Вместе с тем забота об интересах российского государства в целом выходит у него на передний план, что объективно роднит его с камералистами. Однако если мы посмотрим, в чем, по мнению Посошкова, должен заключаться «царский интерес», то он сводится им в первую очередь к набору феодальных/азиатских монополий, связанных с мелочной регламентацией хозяйственной жизни.

Кто Вы, Иван Тихонович Посошков?

Самый главный вопрос «посошкововедения» можно поставить так: кто же такой Посошков — революционер или консерватор? Не претендуя на то, чтобы дать окончательный ответ, сформулируем основные противоречия «посошковизма»:

1. Он выдвигает широкую программу альтернативной Петру I концепции модернизации России, но апеллирует к тому же самому Петру для ее реализации.

2. Посошков отстаивает идею укрепления крестьянского хозяйства за счет ограничения власти помещиков, наивно полагая, что помещики якобы *не являются* проводниками политики того же самого полуфеодального государства и не понимая, что они пытаются (как и само государство) своими традиционными методами приспособиться к новой реальности.

3. Он выступает за усиление «вертикали власти», не понимая того, что это усиление объективно означает возврат к «восточному деспотизму» (à la Иван Грозный) с его властью-собственностью.

Не удивительно, что сочинение Посошкова в XIX в. стало объектом дискуссии между сторонниками государственной школы (С.М. Соловьев, Н.П. Павлов-Сильванский, В.О. Ключевский, А.И. Пашков и др.) и ее противниками (А.Г. Брикнер, В.П. Безобразов, С.Н. Булгаков, Г.В. Плеханов, Д.И. Розенберг и др.). В наши дни в российском «посошкововедении» абсолютно преобладают восторженные оценки. Однако вряд ли надо забывать о традиции более критического отношения к «Книге о скудости и богатстве». В частности, «вера в полицейское государство и регламентации», а также враждебное отношение к загранице вызвало резко отрицательную оценку книги Посошкова со стороны С.Н. Булгакова [1, с. 36–37]. «Московский прогрессистом», «консерватором по преимуществу» назовет И.Т. Посошкова Г.В. Плеханов, считавший, что «Книга о скудости и богатстве» насквозь пропитана «духом вотчинной монархии»¹.

Вряд ли неутомимый правдоискатель Иван Тихонович Посошков, искренне верящий что сильное и всемогущее государство, строго регламентирующее повседневную жизнь всех сословий российского общества, станет основой процветания горячо любимый им Родины, понимал все это так глубоко. Он надеялся, что всемогущий царь поймет его патриотические чаяния: «И сие мнения моего изъяснительное писание о истреблении всякой великой и малой неправды и неисправностей и о насаждении прямой правды и справедливости, насколько меня Бог помощью своей ниспослал, все написал без пристрастия. И предлагаю на рассуждение токмо единого высокопарного белого орла, явного правдолюбца, императора всероссийского, Петра Великого, истинного самодержца и столпа незыблемого. О сем же свидетель мне есть Бог, что я не себя ради сие писал, но токмо ревность моя

¹ Подробнее см.: [9, с. 104-136].

понудила меня на сие дело» [10, с. 393]. Последующая судьба книги Посошкова и его самого показывают, что российская «вотчинная монархия» не привечала правдоискателей, даже если они старались «насаждать прямую правду» во благо этой монархии.

Список использованной литературы

1. Булгаков С. Н. История экономических учений : лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1912/13 / С. Н. Булгаков. Ч. 2. — 4-е изд. — М. : Тип. Н.А. Яшкина, 1914. — 191 с.
2. Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур / Л. С. Васильев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / отв. ред. Л. Б. Алаев. — М., 1982. — С. 60–99.
3. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе ; пер. с англ. / А. Гершенкрон // Истоки: экономика в контексте истории и культуры / редкол. : Я. И. Кузьминов и др. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2004. — С. 420–447.
4. Зайцева Л. И. Первый русский экономист и мыслитель — Иван Тихонович Посошков / Л. И. Зайцева. — М. : ИЭ РАН, 1995. — 125 с.
5. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 400–421.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. — 3-е изд., испр., доп. — СПб. : «Дмитрий Буланин». — XL, 548 + 583 с.
7. Нуреев Р. М. От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития императорской России / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов // Мир России. — 2013. — Т. 22, № 4. — С. 3–39.
8. Пантин И. К. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. / И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. — М. : Мысль, 1986. — 343 с.
9. Плеханов Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов ; под ред. Д. Рязанова. — М.; Л. : Госиздат, 1925. — Т. 21 : История русской общественной мысли. Кн. 2, ч. 3 : Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. — 296 с.
10. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков. — М.: ИД «Экономическая газета», 2011. — 424 с.

11. Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology / M. Fried. — NY, 1967.

12. Gerschenkron A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1962. — P. 353–364.

13. Service E. Origin of the State and Civilization / E. Service. — NY, 1975.

Информация об авторе

Нуреев Рустем Махматович — доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, e-mail: nureev@hse.ru

Author

Nureev Rustem Makhmutovich — D.Sc. in Economics, Professor, Head of the Department of the Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, e-mail: nureev@hse.ru